

## АННОТАЦИИ

### Ю. В. БРОМЛЕЙ. СТАНОВЛЕНИЕ ФЕОДАЛИЗМА В ХОРВАТИИ

(К изучению процесса классовобразования у славян)

Москва, 1964 г., 407 стр.

Выход в свет монографии Ю. В. Бромлей, посвященной формированию феодальных отношений в Далматинской Хорватии и становлению раннефеодального строя в этих районах современной Югославии, заслуживает тем большего внимания, что проблемы раннего средневековья Хорватии, являющиеся объектом исследований советских и югославских ученых, представляют в сравнительном плане большой интерес и для медиевистов, изучающих сходные социально-экономические процессы в истории Византии, народов СССР, Центральной и Западной Европы. К тому же эта книга, поскольку рассматриваемые территории в исследуемый период входили некоторое время в состав владений Византии и Венеции, имеет немалое значение и для историков, занимающихся вопросами внешней политики Византийской империи, историей ее славянских провинций и балканской периферии империи в целом.

Важность работы Ю. В. Бромлей для анализа процессов раннефеодального периода у других славянских народов (вспомним, в частности, о трудах Б. Д. Грекова по славянскому «окружению» Русской правды) не вызывает сомнений, так как для прочих славянских стран (например, для Болгарии, Сербии, Руси) в X—XII вв. наука почти совершенно не располагает частно-правовыми и другими документальными источниками, необходимыми для воссоздания картины общественно-политического развития страны.

Наличие довольно обширной (по сравнению с другими славянскими землями) источниковедческой базы — хотя некоторые хорватские акты считаются подложными или сомнительными — и обилие противоречащих друг другу тезисов в имеющейся литературе заставило автора, открыв книгу сжатым, но очень интересным и веским обоснованием избранной темы (стр. 3—7) и введением о происхождении хорватов и их политической истории до начала XII в. (стр. 8—17), посвятить обширную первую главу (стр. 18—80) историографии и источникам. Подробный анализ имеющихся работ советских и югославских историков по истории феодального аграрного строя в Далмации и Хорватии Ю. В. Бромлей вполне закономерно и обоснованно заключает выводом, что в действительности, несмотря на немалую литературу, разработка социально-экономической проблематики хорватского средневековья находится еще на начальном этапе (стр. 30).

Все это, разумеется, обусловило пристальное внимание Ю. В. Бромлей к вопросу о достоверности сохранившихся древнехорватских актов. Скрупулезный источниковедческий анализ, опирающийся на данные дипломатики и палеографии и на разыскания автора в югославских архивах (в частности, Ю. В. Бромлей обнаружил любопытные варианты некоторых средневековых хорватских документов), привел его к чрезвычайно важному заключению: хотя примерно 40 актов сомнительны, по крайней мере 200 достоверны (стр. 71). Этот вывод открывает большие возможности дальнейшего исследования социально-экономической проблематики средневековой Хорватии. Он позволяет избежать легковесных гипотез и заключений, основанных лишь на сомнительных или фальсифицированных документах (в частности, против некоторых из таких выводов Е. А. Ефремова, М. М. Фрейденберга и других историков автор весьма успешно полемизирует в своей книге, например, на стр. 255—256, 259, 261, 294, 366 и др.).

Тщательная разработка источниковедческих вопросов, помогающая разобраться в обширной литературе, пристальное внимание ко всем особенностям сохранившихся актов и их истолкование с учетом широкого сравнительно-исторического материала разных стран (в частности, материалов этнографических) служат отличительными чертами монографии Ю. В. Бромлей. Следует сказать не только о больших достоинствах

книги в плане разработки определенных частных вопросов, но и о ее бесспорной методологической ценности, источниковедческой обоснованности, а следовательно, и о правомерности осуществленных в ней весьма интересных сопоставлений в области истории первобытнообщинного и раннефеодального общества, новых теоретических обобщений проблем становления классового общества у славян.

Автор рассматривает сельское поселение и соседскую общину в Далматинской Хорватии X—XII вв. (гл. 2, стр. 81—126), семейную общину и коллективы родственников, не ведущих совместного хозяйства (гл. 3, стр. 127—197), изучает данные источников о свободных общинниках-аллодистах (гл. 4, стр. 198—251), о крупной земельной собственности и зависимом сельском населении (гл. 5, стр. 252—374). Кроме того, в ходе своего исследования Ю. В. Бромлей высказывает ряд весьма любопытных гипотез по истории расселения славянских племен на Балканском полуострове, по вопросу о существовании в хорватских землях так наз. «братской» семейной общины. Автор предлагает новое определение переходных производственных отношений в раннесредневековой Далматинской Хорватии (в X—XII вв.) как полусоседейскообщинных — полуфеодальных (стр. 386). Заключение (стр. 372—389), суммирующее результаты исследования автора вопроса о сущности этого строя, представляет, как нам кажется, само по себе большую по своей научной значимости работу. Книгу завершает указатель авторов цитируемых и упоминаемых работ (стр. 391—393) (который, к сожалению, не может заменить списка литературы), а также список сокращений (стр. 390), терминологический, именной и географический указатели (стр. 394—406).

*Е. Н.*

## РОМАН МИМИНОШВИЛИ. ГРУЗИНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ «ИЗЛОЖЕНИЯ» ИОАННА ДАМАСКИНА

Тбилиси, 1966,

стр. 194 (на груз. яз., резюме на русском языке, стр. 173—194)

Изучение литературного наследия Иоанна Дамаскина — выдающегося представителя византийской литературы, замечательного поэта, талантливого полемиста, систематизатора ортодоксальной христианской догматики — давно уже привлекает пристальное внимание исследователей. Творения Дамаскина оказали существенное воздействие не только на византийских писателей, но и на литературу соседних народов.

В деле изучения творчества Дамаскина большое значение приобретают ранние переводы его сочинений, среди которых важное место принадлежит и грузинским версиям. Как известно, в Византийской империи жили и творили такие выдающиеся представители грузинской литературы, философии и науки, как Петр Ивир<sup>1</sup>, Евфимий Мтацмидели (Святогорец), Иоанн Петрици и многие другие. Кроме того, древнегрузинские переводы заслуживают большого внимания при изучении тех византийских памятников, оригиналы которых, по всей вероятности, утеряны безвозвратно. В других случаях переводы, греческие оригиналы которых сохранились, таят в себе такие разночтения, что мы зачастую вынуждены считаться с ними, признав существование другой редакции греческого подлинника, не дошедшей до нас.

В этом отношении не представляет исключения и «Изложение» Иоанна Дамаскина, являющееся основной частью его известного сочинения «Источник знания».

Книга Р. Миминошвили представляет собой интересную попытку решения вопроса о грузинских версиях этого сочинения. Как известно, первый грузинский вольный перевод «Изложения» был выполнен за сто с лишним лет до первого латинского перевода. Он принадлежал перу Евфимия Мтацмидели (умер в 1028 г.). Два других перевода (Ефрема Мцире и Арсена Икалтоели) были сделаны в конце XI столетия.

Следует отметить, что в научной литературе уже предпринимались попытки выяснить, почему Арсен Икалтоели приступил к работе над новым переводом, несмотря на то, что он принимал активное участие в работе над ефремовской версией. Вопрос об евфимиевской редакции не вызывает сомнения, ибо это не вольный перевод «Изложения», а целый сборник отрывков из разных сочинений Дамаскина и других византийских писателей, возможно, объединенных грузинским автором. К. Кекелидзе утверждал, что Арсен Икалтоели, перейдя от платонизма к аристотелизму, счел необходимым выполнить новый перевод; по мнению же Ш. Нупубидзе, к этому Арсена побудило то обстоятельство, что он принадлежал к реакционному лагерю грузинской философии и не мог признать удовлетворительным труд прогрессивного деятеля — Ефрема. Эти высказывания грузинских ученых совершенно не объясняют причину повторного перевода «Изложения», тем более что указанные соображения высказаны без сравнительного

<sup>1</sup> В последнее время, благодаря трудам Ш. Нупубидзе и Э. Хонигмана, утвердилось мнение, согласно которому Псевдо-Дионисием Ареопагитом являлся Петр Ивир, деятель V в. (см. Ш. Н у ц у б и д з е. Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита. Тбилиси, 1942; E. H o n i g m a n n. Pierre l'ibérien et les écrits de Pseudo-Dénys l'Aréopagite. Bruxelles, 1952).